

Немного найдется в истории киевского театра актрис, которые были бы так фантастически популярны в свое время, как Вера Юренева (урожденная Шадурская, она осталась в истории под фамилией своего первого мужа, дворянина Ивана Юренева). До переезда в Киев она прошла столичную выучку, занималась на драматических курсах у тогдашнего мэтра Владимира Давыдова, служила в Александринском театре. Но там на путях к вершинам славы уже столпились плотные шеренги звезд и звездочек. Так что Вера Леонидовна, в духе известного афоризма Юлия Цезаря, решила, что лучше быть первой в провинции, чем второй в столице. И покинула Санкт-Петербург.

Ей довелось сменить несколько антреприз и городов, но по-настоящему дома она почувствовала себя тогда, когда в 1906 году поступила в киевский театр «Соловцов». Серьезно поставленное дело, ответственное отношение к работе над ролями, прекрасный состав заметно возвышали этот коллектив над средним уровнем провинции. И Юренева стала его украшением. Зрителей очаровывал сказочный свет, который, по выражению театральной прессы, излучали ее глаза. Кого бы ни играла актриса, на сцене всегда была Женщина с большой буквы, целостная личность, скрывающая в себе бездны страстей. Как потом вспоминала сама Вера Леонидовна, «моей основной темой была тема любви».

Нетрудно представить себе, каким успехом пользовалась Юренева в ролях классического репертуара, вроде Негинной в «Талантах и поклонниках», Норы в одноименной пьесе Ибсена или в ее непривычном, трагическом толковании образа цветочницы Элизы в «Пигмалионе» Шоу. Но, может быть, в еще большей степени ее популярности способствовала декадентская драматургия, вышедшая в то время на пик моды. Здесь впечатление зависело не столько от содержания пьесы и смысла текста, сколько от выразительных нюансов, которыми в совершенстве владела актриса, — грациозной пластики, модуляций голоса, импульсов темперамента... Участие Юреновой украсило киевские постановки модернистских пьес Станислава Пшибышевского, Леонида Андреева, Юлия Жулавского. В спектакле «Слезы» дошло до того, что персонажи вообще не произнесли ни одного слова на протяжении почти трех часов действия, — вся суть была понятна благодаря движениям и мимике исполнителей, среди которых ведущее место принадлежало Юреновой. К слову, автором этой «драмы без слов» был драматург и журналист Александр Вознесенский (Бродский) — второй муж актрисы.

Актерские качества Веры Леонидовны естественным образом привели ее в кинематограф. Она сыграла для «великого немого» несколько ярких ролей (в частности, Веру в экранизации романа Гончарова «Обрыв»). Это принесло Юрениной новый успех; ее называли даже ведущей актрисой отечественного экрана.

Ей доводилось бывать и за кулисами исторической сцены. Знакомства с Верой Юрениной искали первые лица державы. Актриса была желанной гостьей на закрытых дворцовых концертах. Она лично знала царя и царицу, великих князей, сенаторов, фрейлин двора (в том числе и небезызвестную Вырубову), князя Феликса Юсупова и мало ли кого еще.

Но вот страну охватили революционные события. В ту пору Юренина после недолгого перерыва снова вернулась в Киев. Город сотрясали перевороты, одна власть сменяла другую, но зал «Соловцова» все равно каждый вечер был полон, хотя сегодняшние зрители не были похожи на вчерашних: При гетманстве Скоропадского в театр зачастил сублимый юноша в круглых очках — сотрудник дипломатической делегации Советской России в Киеве. Он познакомился с Юрениной. За стеклами очков она обнаружила ироничный и пронзительный взгляд, а в характере юноши — невероятную предприимчивость, отвагу, скрытую силу. То был Михаил Кольцов — впоследствии известнейший журналист СССР, герой испанских событий. По возрасту он годился ей в сыновья, но... в том же 1918 году Вера Леонидовна стала его женой. Это расценили в прессе как «еще одну победу большевиков».

Может быть, именно Кольцов вдохновил Юренину на создание одного из самых блистательных образов ее сценической карьеры — Лауренсию в легендарной постановке «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»), созданной режиссером Константином Марджановым по пьесе Лопе де Веги. Премьера состоялась на Первوماй 1919 года в советском Киеве. По ходу пьесы жестокий властелин испанской деревни под названием Фуэнте Овехуна обесчестил крестьянскую девушку, отняв ее у возлюбленного в разгар свадьбы. В ответ на это деревня восстала. Юренина, привыкшая к ролям аристократок, на сей раз сыграла крестьянку, призывающую односельчан к бунту, — и сделала это так убедительно, с такой драматической энергией, что потрясла и заполнивших зрительный зал пролетариев, и бывалых театралов.

Очередной киевский переворот вынудил Кольцова уехать в Москву. Юренина

последовала за ним. Ее жизнь с неистовым журналистом была недолгой. В конце концов они расстались, но сохранили взаимное уважение и симпатию. Как-то Вера Леонидовна получила от Кольцова весточку из Испании, он сообщил ей, что побывал в настоящем городке Фуэнте Овехуна, и добавил с присущей ему смешливой интонацией: «Если бы Вы сюда приехали со спектаклем «Лопы» — все бы потряслись».

Несколько лет Вера Юренева прослужила во 2-м МХАТе, получила звание заслуженной артистки. Но в годы Большого Террора близкие ей люди исчезали один за другим. Сгинул в казахской ссылке Александр Вознесенский, погиб с клеймом «врага народа» Михаил Кольцов, репрессировали и последнего мужа Юрениной А. Островского. Саму ее, к счастью, не тронули, несмотря на «порочащие связи», — видимо, посчитали неопасной... Она выступала с художественным чтением, на зрителей производила необычное впечатление (по словам артистки Веры Васильевой, видевшей ее перед войной, «вся она казалась нездешней, несегодняшней, романтической, несчастной, окутанной тайной»). Позже, в 1946-м, Юренина издала книгу воспоминаний «Записки актрисы». Там ей пришлось написать, что созданные ею в прежние времена образы любящих женщин были «многолетней ошибкой». Впрочем, она не побоялась хотя бы намеком упомянуть репрессированного Вознесенского, назвав его «журналистом В.».

А потом легенда сцены и экрана вообще оказалась в забвении. Ее театральные успехи начала века мало кого интересовали, о знакомствах в иных сферах и вовсе было опасно вспоминать. Но если верить известнейшему ныне «телевизионному историку» и драматургу Эдварду Радзинскому, именно Юренина первой натолкнула его на замысел книг о Николае II и о Распутине. В студенческие годы он случайно свел с ней близкое знакомство — и услышал то, о чем мало кому доводилось слышать.

Увы, сейчас только скупые воспоминания очевидцев да пожелтевшие фотоснимки позволяют вообразить Веру Юренину на сцене во времена ее триумфа. Отголоски одной из ярчайших легенд киевского театра...